

Последние десятилетия характеризуются пристальным вниманием лингвистов к языковой семантике. Однако, как справедливо замечает автор рецензируемой монографии, основной упор при этом делается на синхронические аспекты ее изучения, на семантику в ее статическом состоянии, в то время как вопросы диахронической семантики и шире — семантики в ее динамическом функционировании отнесены на второй план. Поэтому появление книги А. А. Тараненко, посвященной динамическим аспектам языковой семантики, представляется очень своевременным.

Автор излагает оригинальную концепцию динамики семантической стороны языка как единого целого на разных его структурных уровнях — лексическом, фразеологическом, словообразовательном, грамматическом, исходя из вполне доказанных в монографии положений о наличии межуровневого изоморфизма семантических явлений и процессов в языковой структуре и о возможности сведения различных семантических процессов к определенному конкретному набору. Классификация семантических процессов строится с учетом, с одной стороны, особенностей ассоциативного характера мышления, а с другой — специфики языка как семиотической системы и основывается на отражении в языковой семантике двух типов психологических ассоциаций (по смежности и сходству) по линии двух аспектов языка — внеязыковой отнесенности языковых единиц (т. е. аспект семантики в более узком, семиотическом понимании) и их внутриязыковой соотносительности как парадигматического, так и синтагматического характера (аспект синтактики). На этой основе выделяются прежде всего четыре типа процессов: два собственно семантических — метонимия и метафора (на основе соответственно смежности и сходства в восприятии субъекта обозначаемых понятий) и два синтаксических — смысловое взаимодействие на синтагматическом уровне (автор, к сожалению, не смог предложить для данной группы процессов однословного наименования) и аналогия (на основе соответственно смежности и сходства самих языковых единиц). Пятый процесс — контаминация — выделяется в предлагаемом ряду на более сложной и смешанной классификационной основе — как процесс, который имеет одновременно как семантический, так и синтаксический характер и может базироваться как на парадигматических, так и на синтагматических отношениях. Автор, таким образом, применяет для обозначения языковых про-

цессов в своей классификации знакомые термины, но обычно привязываемые к какому-либо языковому уровню (к лексике, как, например, метонимия и метафора, к словообразованию или синтаксису и фразеологии, как контаминация, и т. д.), а не к языку в целом. Отнесение того или иного из данных процессов к определенному уровню обуславливается в работе тем, по линии категории какого именно уровня он действует, и, если это общезыковая семантическая категория (одушевленное — неодушевленное, конкретное — абстрактное и т. п.), тем, при помощи формальных средств какого уровня он проявляется.

Предваряя более подробное обсуждение каждого из рассматриваемых процессов, можно предположить, что некоторые сомнения в оправданности применения того или иного из предлагаемых названий к определенному языковому явлению, мнение об известной натяжке при отнесении того или иного процесса к области метонимии, метафоры и т. д. у читателя в ряде случаев будут возникать несомненно. И трудно однозначно ответить на вопрос, что является причиной таких сомнений в каждом конкретном случае: установка читателя на традиционно понимаемый анализируемых явлений или же увлеченность автора, стремящегося охватить все многообразие семантических процессов в языке классификацией из пяти пунктов. Однако в любом случае необходимо отметить, что автор здесь не так уж одинок в своих поисках, как это может показаться на первый взгляд. Говоря о предпосылках своей концепции языковой семантики в ее динамических аспектах, А. А. Тараненко опирается на положения Н. В. Крушевского [1] о группировании в языке вом сознании обозначаемых понятий и развитии языковых единиц по их смежности и сходству, на интерпретацию процессов метонимии и метафоры как общезыковых и общесемиотических, заложенную в известных работах Р. Якобсона [2], Е. Курловича [3] и еще раньше, например, у А. А. Потебни [4], упоминает классификации типов процессов, учитывающие как внеязыковую отнесенность, так и внутриязыковую соотносительность единиц, в области лексической семантики (см., например [5]), являющейся наиболее разработанной под данным углом зрения. При обзоре литературы по каждому из рассматриваемых процессов приводятся перечни точек зрения, в чем-то сходных с авторской концепцией, в чем-то отличных от нее, но также нацеливающих лингвиста на разноречивый, общезыковой

подход к тому или иному процессу. Ср. обзор различных концепций действия, например метафоры в языке — в работах Ф. И. Бусласова, Ю. С. Степанова, Б. А. Серебряникова, И. Ф. Фонадя, Э. Оксаар, Е. М. Шендельс и др.

В результате анализа лексической, словообразовательной и грамматической семантики А. А. Тараненко приходит к важному теоретическому выводу о том, что действие перечисленных «...процессов на семантическом, глубинном уровне в рамках каждой из подобных моделей одно и то же независимо от его различных формально-языковых проявлений в том или ином конкретном случае» (с. 13). И коль скоро это так, то, по мнению исследователя, вряд ли целесообразно ограничивать понимание действия этих процессов рамками лишь какого-то одного уровня, например, лексики. Новый взгляд на природу семантических процессов привел автора к пересмотру и совершенно другой интерпретации многих положений традиционной семантики.

В первой главе (с. 9—107) рассматриваются вопросы, связанные с действием в языке метонимических процессов. На лексическом уровне эти процессы чаще всего осуществляются, как известно, в тех случаях, когда создается двусмысленность трактовки определенного значения в соответствующих контекстах и ситуациях (ср.: поджечь *соседа*, т. е. его дом, поджег *извозчик*). Смежны эти положения до и после раньше и позднее в начале и в конце определенного пространственного или временного промежутка, кажущаяся на первый взгляд противоположностью, может приводить даже к образованию энантиосемии. Так, например, тот, кто идет вперед, приходит первым, раньше, ср. двусмысленность контекстов типа *Пусти его вперед*. Отсюда возникает противоположность между значениями «вперед: впереди; передний и т. д. (в пространстве)» и «прежде, раньше (т. е. как бы «сзади, позади»); прежний и т. д. (во времени)»: *вперед*, *впереди* — диал. «раньше, прежде», др.-русск. *передънии* «прежний», ст.-слав. *прѣдънѣти*, *прѣдѣтѣши* «идти вперед, впереди», но, например, *предки* (это в общем-то те, что остались «сзади»), *предыдущий*, *предшествующий*, *предтеча*. Определенная точка в пространстве или во времени может представляться как началом, так и концом чего-либо в зависимости от позиции наблюдателя (отсюда, например, *край*, *конец* — «конец» и диал. «начало»).

Реализация многих метонимических моделей осуществляется, помимо сугубо лексических переносов, и при участии словообразовательных, в частности аффиксальных, средств. Ср. в рамках модели «сырье — продукция из него» в ук-

раинском языке, с одной стороны, *барани*, *овоки*, *куниця* «мех или шуба из овец, волков и т. д.» *береза*, *дуб* «древесина или дрова из березы дуба», а с другой — *бараниця*, *березина*, *дубина* в этих же значениях. Отсюда автор делает вывод, что метонимия в традиционном понимании (на уровне лексики) отражает лишь фрагменты универсальной взаимосвязанности объектов, свойств и отношений действительности, ограниченные переходами значений между формально тождественными единицами — членами одной части речи. При авторской концепции метонимии как явления языковой семантики в целом картина такой смежности категорий действительности осознается на основе языковых данных значительно полнее.

Действие метонимии рассматривается на уровне не только корневых, но и аффиксальных значений, в частности детально анализируются две модели развития диминутивных суффиксов: «диминутивность → гипокористивность» и «диминутивность → пейоративность». Понятие малого размера, с одной стороны, ассоциируется с чувством нежности к соответствующему объекту (ср. на основе этого вида смежности двусмысленность суффиксов в словах *сынок*, *рыбка*, *пальчик*, *лапка*), с другой стороны (в отношении взрослых лиц и частей их тела), может вызывать чувство пренебрежения к нему («Это был маленький... человек с личиком подвижным, как у мартышки, смуглое личико обросло темной бородкой..., темные глаза блестят тревожно. Какой-то угрюмый, не настоящий». М. Горький).

На синтаксическом уровне, в частности, отмечаются метонимические переходы между смежными, естественно граничащими друг с другом типами модальности: например, вопрос (*Это он сам сделал?*) — сомнение (этот же вопрос с интонацией размышления, удивления, недоверия) — отрицание (особенно при риторических вопросах; например, газетный заголовок: «*Борцы за свободу*» или «обычные бандиты?»). Ср. такой же переход на лексическом уровне: *вопрос* (*ставить под вопрос*), англ. *question* (*out of question* «вне сомнений»).

Метонимия нередко квалифицируется как свертывание словосочетания, эллипсис. Например, «горит *сосед*» выводится некоторыми исследователями из «горит дом *соседа*», «выпить *стакан*» из «выпить *стакан молока* и т. п.». По мнению автора, здесь отождествляются два принципиально различных типа смежности, лежащие в основе метонимии и эллипсиса, — внеязыковая (понятийная) и языковая (текстуальная) смежность. Если при эллипсисе происходит изменение (сокращение) формы словосочетания при фак-

тической неизменности его содержания то при метонимии, наоборот, — изменение (расширение или сужение) содержания слова при неизменности формы. Так, множественное число в случаях типа укр. *батьки* в значении «родители» (т. е. *батько* «отец + мать»), традиционно рассматриваемое как эллиптическое, является в действительности синекдохической моделью «часть — целое». Причем автор подчеркивает: «...то, название какой именно „части“ становится названием всего „целого“, вовсе не случайно» (с. 20). Такое множественное число группируется вокруг понятия, представляющегося основным в ряду определенной множественности. Так, в области наименований человека это обозначение лица, старшего по возрасту (ср. неофициальные названия семей по имени их главы типа укр. *Павлі, Сашкі*), мужского пола (см. выше укр. *батьки*, а также, например, *москвичи, студенти* или собирательные имена типа *юношество*, польск. *państwo* «муж с женой»), высшего по социальному положению (*ковкаки* — о партизанах С. А. Ковпака) и просто более заметных по национальному, социальному и др. признакам категорий людей (нашествие *французов* в 1812 г.). Аналогичным образом вскрываются причины, лежащие в основе «эллиптического» рода (*Крестьянин* теперь уже не тот), «эллиптических» обозначений качества (получить *воспитание* в смысле «хорошее воспитание», человек *с головой*; *Аэробика* — это *звучит!*, т. е. «хорошо звучит») и количества (у него *температура*; туфли на *каблуке* в смысле «на высоком каблуке»), событий, ситуаций и явлений (т. е. употребление предметной лексики в процессуальном значении: Начинаются *лыжи* «лыжный сезон»; *Велосипед* «ехать или ездить на велосипеде» — это не пешком).

Заслуживают внимания мысли А. А. Тараненко о двух семантико-синтаксических основах метонимических процессов при номинации, в том числе словообразовании: 1) та или иная синтаксическая позиция, лексический контекст, наиболее благоприятные для определенной модели: например, формирование наречий образа действия, на основе твор. п. существительных (дать *даром*, ответить *головой* «чем → как»), образование категории деепричастий на основе причастий, обозначающих признак не только предмета, но и частично действия (др.-русск. «*слышавшие* же то князи рустии, поидоша за Днѣпръ», т. е. «слышавшие → слыша»); 2) фиксированная позиция предикатного употребления определенного слова: например, «Эти лошади — с *Битюга*» (река), т. е. откуда → «Эти лошади — с *битюка, битюки*» (порода лошадей), т. е. какие, кто; Он живет в *Москве* → Он

москвич (с. 32—36). Концепция предикативной основы номинации обсуждается очень детально (думаю, что так основательно и аргументировано этот вопрос еще не рассматривался). Бесспорным достижением автора является разграничение первичного, семантического (акт номинации сразу же оформляется одним словом) и вторичного, синтаксического (в слово трансформируется уже существующая неоднословная номинация) типов словообразования (с. 47—50).

Специальный раздел посвящен действию метонимии по линии конверсивных (обратных) семантических отношений, когда определенная ситуация, предмет, признак могут быть представлены с противоположных сторон. Как уже отмечалось выше, автор показывает, что противоположные, казалось бы, значения языковой единицы не менее обнаруживают точку соприкосновения, смежность, благодаря чему, собственно, и становится возможным соответствующий семантический перенос. Простой пример — укр. *байрак* «овраг, поросший лесом → лес, растущий в овраге», где переход осуществился вследствие очевидной пространственной смежности понятий «овраг (с лесом)» и «лес (в овраге)». Таким же путем, но на основе иных типов смежности (действие в противоположных направлениях, действие одного актанта — состояние другого актанта и т. п.) возникают и собственно конверсивные оппозиции в глаголах и их дериватах. Например: *взятка* «то, что взято» (ср. *взяток* пчелы) → «то, что дается»; укр. *позичити* (кому — у кого) «дать в долг — взять в долг»; изменения в рамках оппозиций типа залоговых: актив → пассив (ср. концепция «лингвистической метонимии» у Е. Куриловича), динамический → статический медий (*Кровь сочится* из раны — *Рана сочится* кровью), изменение векторных отношений при каузации (не он *ушел*, а его *ушли*) и др. (с. 76—89).

Глава о метонимии занимает более трети всего объема монографии, охватывая, кроме уже упомянутых, процессы композиции, субстантивации, адъективации и др., и здесь невольно возникает вопрос, чем это обусловлено — преобладанием именно метонимических процессов в языковой семантике по сравнению с остальными или же какими-то субъективными соображениями автора. Сам автор на это ответа не дает. Следует отметить также чрезмерную усложненность и потому недостаточную убедительность в объяснении некоторых явлений, например, в словообразовании или при переосмыслении векторности (от «пахнуть» к «нюхать» и др.).

Вторая глава (с. 108—153) посвящена анализу метафорических процессов. Пос-

ле общих замечаний о сущности метафоры и вопроса о «фонетической» метафоре автор подробно рассматривает действие грамматической метафоры — на уровне как общезыковых семантических категорий на грамматическом срезе, так и категорий собственно грамматических. Особое внимание уделено метафоризации в рамках категории рода. Здесь автор выделяет три основных направления:

1) переносы родовой формы для обозначения лиц противоположного пола (перенос слова в рамках однокорневых родовых корреляций: *дура*, *истеричка* — о мужчине, *мой маленький* — к женщине; перенос корня, сопровождающийся соответствующим родовым оформлением: *девственник*, укр. *бабій* «неженка»; перенос родового форманта: *бабеч*, *Верунчик*, *Светок*);

2) переносы форм естественного рода для обозначения неодушевленных предметов, а также животных, половая принадлежность которых не релевантна для языкового коллектива. Автор считает (и с его аргументацией трудно не согласиться), что при объяснении формирования и развития категории рода наряду с интралингвистической мотивацией (процессами аналогического выравнивания и синтагматического согласования) следует принимать во внимание и возможность семантической мотивации, в особенности действие метафоры. В пользу этого он приводит как косвенные свидетельства (например, мощное действие этой метафорической модели на уровне лексики), так и прямые доказательства. Это, например, оформление в женском роде названий земли, поскольку ее плодородие напоминает существо женского пола, родовое оформление фитонимов типа укр. *шюковця* → *шюкун* «бесплодная шелковица», оформление в мужском роде названий хищных птиц и др.;

3) переносы формы среднего рода — при обозначении понятий как одушевленного (например, обозначение незрелых существ: *дитя*, укр. *неволя*, *лоша*, нем. *das Kind*; он теперь уже ничто; укр. *воно*), так и неодушевленного мира (...*Оно* вошло и оно есть смерть. Л. Толстой).

В области синтаксической семантики, как показывает автор, метафора наиболее заметно проявляется по линии намеренного переосмысления категорий модальности: а) как антифразис — при противоположных значениях (противоположность является одной из разновидностей сходства — основы действия метафоры): например, серьезное оформляется как незначительное (*Кстати, мамуля, забыла тебе сообщить: я выхожу замуж*); ср. выше действие метонимии по линии смежных модальных категорий; б) как диалогизация языковой формы (например,

представление взаимоотношений между общезыковыми группами в виде диалога между их представителями: *Буржуазия говорит крестьянину: мы... и т. д.*), ср. аналогичную метафору в лексике: *диалог* между Востоком и Западом.

Что касается словообразования, то, по утверждению автора (на наш взгляд, несколько категоричному), словообразовательной метафоры, т. е. метафоры, действующей на уровне словообразовательного значения, в сущности нет. Она действует здесь по линии: а) лишь лексического значения слова — как самостоятельно: *лимон* — *лимонка* (граната), так и как дополнительным процесс при метонимии: *гусар* — *гусарить* «вести себя подобно гусару» (ср. чистую метонимию: *слесарь* — *слесарить*); б) грамматического (аффиксального) значения: «*Жигуленок*» (автомобиль марки «Жигули»), *книжка* недели. Говоря о действии метафоры в словообразовании, вряд ли стоит допускать возможность двоякой интерпретации образованных типа *звереть*, *обезьянничать* и т. п. (от *зверь* в его прямом значении или от *зверь* «жестокий человек»), как это утверждается на с. 147: это глаголы уже на основе метафор.

В третьей главе (с. 154—204) анализируются процессы синтагматического смыслового взаимодействия — компрессия синтагмы, синтагматическое передвижение смысла, конденсация синтагмы, сдвиги в смысловом членении синтагмы, т. е. процессы, основывающиеся на отношениях взаимного или однонаправленного притяжения (аттракции) между компонентами определенного единства. Эти явления, как и в предыдущих случаях, рассматриваются на разных языковых уровнях. Так, в частности, компрессия (стяжение синтагмы) отмечается на уровне слова (*радиостанция* → *рация*, *знаменосец* → *знаменосец*), сочетания слов (через *два* или *три* дня → через *два-три* дня), сложного предложения (*Страх, как понравилось* → *Страх понравилось*) и т. п. В словообразовании компрессия приводит к композиции в форме как сращения (сегодня, *сам-друг*, укр. *добридень*, *робитиму*, *тощо*), так и — в некоторых случаях — сложения (*верховодить* — от *верз* *водить*, укр. *самодруг*), к аббревиации и телескопии. Процессы синтагматического смыслового передвижения наиболее отчетливо проявляются при воздействии лексического и синтаксического контекста на значение слова и лексического значения слова (корня) на значение его аффикса. Так, прилагательное *дремучий* с изначальным значением «дремлющий» приобрело значение «густой, непроходимый» в результате постоянного употребления в сочетании *дремучий лес*. Формант *-et-, имеющий первоначально лишь

структурно-грамматическое значение, употребляясь в составе названий детей и детенышей животных, сам постепенно усвоил это значение. Говоря о роли контекста в смысловых изменениях его единиц, автор справедливо отмечает, что это влияние обычно преувеличивается и понятие контекста как фона изменений неправомерно приравнивается к контексту как их непосредственному фактору.

В разделе, посвященном конденсации, особый интерес вызывают соображения автора о двух ее направлениях — специализации, т. е. сужении значения конденсата (например, при субстантивации атрибута: *крестный [отец]*, при включении значения объекта: *подать [милостыню]*, при вычленении частей слова: *грампластинка* → *пластинка* и т. д.), и генерализации (Ты мой самый-самый! — на основе ряда выражений типа *самый дорогой, самый желанный, самый любимый* и т. д.; «*Беру на квартиру*» — объявление: *Лучше недо-, чем пере-*). Однако не всегда можно согласиться с авторской интерпретацией некоторых структурных моделей конденсации. Так, случаи типа *почтарь* (от *почтовый голубь*) вряд ли правомерно относить к «аффиксально не оформленной конденсации... в виде лексико-семантической деривации» (с. 191). Это пример так называемого агрегатирования (термин Н. З. Котеловой).

В четвертой главе (с. 205—223) анализируются сущность и типы аналогических процессов. В зависимости от того, по линии какой стороны языковых единиц действует данный процесс, выделяются (а) одноуровневые и (б) двухуровневые типы аналогии (если последние берут начало на уровне формы, они завершаются на уровне значения, и наоборот): (а) это формальный (в фонетике и т. п.) и смысловой (*сестра милосердия* → *брат милосердия*, *леша* → *праша*) типы; (б) это формально-смысловой (явление народной этимологии, каламбура и др.) и смыслоформальный (например, тождественное аффиксальное оформление членов тематической группы: укр. *січень*, *березень*, *каітень* и т. д. — названия месяцев) типы. Поскольку смысловая аналогия является средством не возникновения, а лишь распространения той или иной модели, существует проблема разграничения самостоятельного и аналогического развития единиц. Автор предлагает несколько критериев определения аналогии при параллельном смысловом развитии ряда языковых единиц. В работе проводится также дифференция между парадигматическим и синтагматическим типами аналогии.

Заключительная глава (с. 224—236), очень краткая, но содержательная, посвящена анализу контаминационных процес-

сов. Автор выделяет контаминацию парадигматического и синтагматического характера. Первая возникает вследствие одновременного появления в сознании говорящего при мысли об определенном понятии двух синонимических и вообще соотносительных обозначений и действует на уровне словообразования (с усложнением как корневой, так и аффиксальной части новообразованной единицы): укр. *бельбази «внутренности»* (*бебези* + *тельбузи*), *безвинний* (*безвинний* + *невинний*), формы типа укр. диал. *пливти* (*пливти* + *писти*), словосочетаний и синтаксических конструкций (таким образом, в частности, объясняется природа образования конструкций с полупрямой и несобственно-прямой речью), морфологических категорий (одушевленности, рода, числа и др.): диал. *кто такое?* (ср. *кто такой* и *что такое*) — «А онде під тином *Онузда дитина голодне жре*» (Т. Шевченко) и т. п. Вторая образуется как результат скращения или перекрещения членов синтагмы, ср., например, у В. Высоцкого: «— Развяжите полотенцы, *Иноверы, изуверцы!*», т. е. *иноверцы, изуверы*.

Рецензируемая монография основывается на широком современном и историческом материале преимущественно русского и украинского языков с привлечением данных других языков, прежде всего славянских. Для анализа, в частности, привлекаются и окказиональные образования, что дает автору возможность наглядно вскрыть динамику семантических изменений, их механизм. Однако полагаем, не было бы излишним разграничивать узусальные и окказиональные факты хотя бы в плане важности, продуктивности той или другой модели для языка, ведь не все подобные модели проходят фильтр языковой системы.

Не все в работе представляется одинаково убедительным и доказанным, можно спорить по поводу тех или иных аспектов исследования. Но нельзя не признать общей стройности и цельности авторской концепции семантической динамики языка. Единство подхода позволило автору дать новую интерпретацию многим семантическим процессам. Монография А. А. Тараненко в значительной степени восстанавливает равновесие в изучении статических и динамических аспектов языковой семантики и, несомненно, будет способствовать дальнейшим изысканиям в этой области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крушевский Н. В. Очерк науки о языке. Казань, 1883.
2. Jakobson R. The cardinal dichotomy in

- language // Language. An inquiry into its meaning and function. N. Y., 1957.
3. *Kuryłowicz J. Metaphor and metonymy in linguistics // Zagadnienia rodzajów literackich.* 1967. T. 9. Z. 2.
4. *Потебня А. А.* Из записок по теории

- словесности. Харьков, 1905. С. 311, 494—529.
5. *Ullmann S. The principles of semantics.* Oxford, 1963. P. 220—243.

Кочерган М. П.

Hayrapetyan S. P. Hay hin ew mijnadarean grakanuthsan patmuthiwn. Los Angeles, 1986. 724 էլ.

Книга С. Айрапетян (Софи Эктон) «История древней и средневековой армянской литературы» сразу же по выходу в свет привлекла внимание как отечественной, так и зарубежной научной общности, о чем свидетельствуют положительные рецензии и ее переиздание в Ливане. Сейчас готовится публикация на английском языке, что будет первым опытом подобного рода.

Даже самый поверхностный взгляд на структуру и содержание книги не оставляет сомнений в том, что эта работа представляет значительный интерес не только для литературоведов, но в не меньшей степени и для лингвистов — историков языка, текстологов, для филологов, занимающихся проблемами культурно-языковых взаимоотношений, вопросами мифологии и устно-народного творчества, в котором отражено лингво-эстетическое мировоззрение древнего человека.

Хронологический диапазон характеризуемых памятников, согласно оглавлению, охватывает 14 веков (с V по XVIII вв.). На самом же деле он значительно шире, поскольку нижняя его граница восходит к дописьменному периоду бытования армянской мифологии, языческих верований и устно-поэтического творчества.

Свою основную задачу С. Айрапетян видит в хронологически последовательном, концептуальном анализе наиболее значительных памятников прошлого, в выявлении культурно-эстетических и общественно-исторических основ творчества их авторов. Параллельно с этим определяется языковая специфика и художественная ценность произведений. Айрапетян хорошо ориентируется в огромном, накопленном веками материале. Отбор памятников для анализа и персоналий представляется весьма логичным, что свидетельствует не только о хорошем вкусе С. Айрапетян, но и об учете новейшей специальной литературы. Благодаря обширным выдержкам из памятников различных эпох, характеризующих в хронологическом порядке, книга становится ценным источником и путеводителем для

лингвиста-историка и текстолога: сравнение языка памятников различных эпох позволяет наглядно ощутить динамику внутривидовых сдвигов, которые произошли в нем за определенный промежуток времени. Следует учесть, что проблема лингвистического времени и качественной характеристики сдвигов для армянского языка является весьма актуальной, поскольку он подвергался настолько значительным структурным изменениям, что памятники V в. были непонятны читателю уже в X в. Автор книги учел это обстоятельство и снабдил приводимые из различных произведений отрывки соответствующим переводом на современный язык. Эти переводы «с армянского языка на армянский» следует отнести к положительным качествам книги при ее общей оценке, поскольку далеко не каждый филолог-арменист в состоянии достаточно адекватно перевести тексты, написанные на грабаре, среднеармянском литературном языке, на диалектах и полудиалектах. Остается лишь сожалеть, что Айрапетян иногда отступает от этого правила, — ср. главу, посвященную авторам V в. (Корюн, Бузанд, Мовсес Хоренаци и др.), где переводы даны без оригиналов на грабаре. В целом же книга построена таким образом, что читатель имеет возможность легко ориентироваться в богатом наследии прошлых веков, отражающих лингво-культурные традиции народа, видеть специфику его языковых форм, в которых оно воплощается. Перевернув страницы книги, читатель перешагивает через века и может сравнить древнейшие языковые формы, отраженные в мифологии и устно-народном творчестве дописьменного периода, например в песне о рождении бога Ваагна, с изысканным языком любовной лирики средних веков — айренов, отражающих следующий этап развития армянского языка.

Книга состоит из Предисловия, трех частей, объединяющих 20 глав, и обстоятельного Приложения. В первой части рассматриваются памятники древнего периода (до X в.), во второй — средневеко-